

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

Ю. Н. Тимкин

Юрий Николаевич Тимкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках проблемы взаимоотношения власти и народа рассматривается история возникновения и функционирования волостных крестьянских ячеек РКП(б) в Вятской губернии в 1918–1920 годах. В качестве источников использованы материалы Центрального государственного архива Кировской области и Государственного архива общественно-политической истории Удмуртской Республики. В ходе проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. В деревне, где преобладали крестьяне-общинники, стремившиеся развивать свое хозяйство на рыночных основаниях, не было почвы для добровольного принятия идей коммунизма. Крестьяне ожидали от новой власти в 1917 году решения в первую очередь вопросов социально-экономического характера: нарезка земли, строительство дорожной инфраструктуры, обустройство социальной сферы и др. Большевики, лишь отчасти удовлетворив запросы крестьян, вызвали сильнейшее недовольство насилием, как в продовольственной политике, так и в других сферах жизни. Именно это обстоятельство привело к кризису волостных ячеек партии в 1919–1920 годах. Ячейки, возникшие как объединения крестьян, сочувствующих новой власти, в итоге либо распались, либо стали структурами, состоявшими из сотрудников и служащих волостных советских учреждений.

Ключевые слова: история крестьянства, Вятская губерния, община, волостные организации РКП(б), кризис «военного коммунизма»

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-47-67

Тема взаимоотношения крестьянства и большевистской партии остается одной из актуальных в отечественной историографии, так как она касается проблемы причин победы революции 1917 года, а также характера новой власти и последующей ее эволюции. Этой теме посвящено огромное количество работ, опубликованных как в советское время, так и после 1991 года, однако в местной современной историографии она все еще не исследована.

Вятская губерния, как известно, относилась к регионам, крестьянство которых не знало крепостного права и власти помещиков. В 1859 году крепостные составляли 1,7% всего населения губернии (Памятная книжка, 1911: 35–36). Абсолютное большинство крестьян принадлежало к числу государственных. Ко времени революции

1917 года среди крестьян преобладали середняки. Декрет о земле не сыграл большой роли для них. Согласно ведомости, составленной губернским земельным отделом губисполкома 10 апреля 1918 года, крестьяне получили 172 тыс. десятин конфискованных частновладельческих, казенных, монастырских земель, что составляло лишь 4% всех земель сельскохозяйственного назначения (Установление и упрочение..., 1957: 481–482). Разумеется, это не могло вызвать энтузиазма среди крестьян, которые в 1920 году составляли 94,7% населения губернии (200 лет..., 1996: 34). Чего же ждали они от новой власти?

В отчете Котельничского укома в феврале 1923 года отмечалось, что крестьяне «мало восприимчивы к революционной борьбе и лишь наличие демобилизованных красноармейцев являет собой более прогрессивный элемент»¹. Об этом свидетельствует политическая жизнь губернии 1917–1918 годов, когда именно вернувшиеся с фронта солдаты и матросы играли главную роль в установлении новой власти на местах. И все же вряд ли только этим объясняется поведение крестьян, поддержавших новую власть. Крестьянство губернии проявляло активность и в годы Первой Русской революции; как объясняли вятские делегаты съезда Всероссийского Крестьянского союза в 1905 году, «у нас живет все-таки страшно тяжело» (Цит. по: Шанин, 1997: 173–174). После проведения реформ 1860–1870-х годов развитие буржуазных отношений ускорилося, в деревню стали проникать товары фабричного производства. То же можно сказать и об элементах городской культуры: газеты, журналы, предметы быта, гигиены и т. д. Все это пользовалось большим спросом среди крестьян, но стоило дорого, а доходность крестьянского хозяйства была низкой. Как показала А. А. Дмитриенко, проанализировавшая приговоры крестьян перед выборами во II Государственную думу, на «материальные проблемы в приговорах приходится 90% всей информации» (Дмитриенко, 2007: 29). Крестьян волновали следующие вопросы: улучшение системы коммуникаций, дополнительная нарезка земли, потребность в лесе, увеличение сенокосных угодий, открытие новых фельдшерских пунктов (Дмитриенко, 2007: 27–29). При этом политические и юридические аспекты деятельности Государственной думы не вызывали у них интереса. Таким образом, можно предположить, что крестьяне ждали от власти большевиков широкой программы социально-экономических улучшений: дорожное строительство, развитие системы дошкольного и школьного образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. п.

1. Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГАКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 399. Л. 37.

Пришедшие к власти большевики столкнулись с особым миром деревни, который они не понимали. Главную роль в социальной организации деревни играла община. По мнению историка В. Е. Мусихина, «чрезвычайная устойчивость в вятской деревне общины, которая являлась определенным гарантом выживаемости основной массы населения», была обусловлена низкой урожайностью, зависимостью результатов труда от погодных условий, слабостью развития товарно-денежных отношений (Мусихин, 1995: 283). Земельные переделы, различного рода крестьянские помочи сохранились в крае и после революции.

Как только в ходе революционных событий 1917–1918 годов крестьяне освободились от власти чиновников, активизировался процесс семейных разделов. Распад большой патриархальной семьи, начавшийся еще в конце XIX века, в 1920-е годы практически завершился. Как справедливо отметил Мусихин, с точки зрения регрессивным «этот процесс, безусловно, следует считать регрессивным» (Мусихин, 1995: 297). О том, насколько он был болезненным, свидетельствует заявление крестьянина Зыковской волости Яранского уезда Журавлева, заслушанного на заседании уездного исполкома 18 ноября 1918 года: «...Сын отделяется от престарелых отца и матери, которые не в состоянии кормить сами себя; отделяется брат от брата, один из которых искалечен войной. Одна у них лошадь, одна корова, две или три овцы. И все это приходится делить на два». При разделах «происходят всевозможные драки и убийства». Крестьянин жаловался: «Мы стремились наладить жизнь артельную, коммунистическую, но у нас происходит все наоборот: чрезвычайный упадок и уничтожение хозяйства»². Журавлев призвал уездный исполком запретить деление семей, численностью менее 15 чел., но поддержки не получил. Распад большой патриархальной семьи сопровождался всевозможными конфликтами и порождал у части крестьянского населения стремление покинуть место жительства, что способствовало росту социальной мобильности.

Весьма показательна биография видного вятского большевика Сергея Черепанова, сыгравшего важную роль в установлении новой власти в Яранске. Он родился в большой зажиточной крестьянской семье Кикнурской волости. Ее глава, отец Сергея, «работал не щадя себя и преждевременно умер»³. После его смерти руководство семьей перешло к деду, однако два его внука, брата Сергея, не смогли с ним ужиться и уехали в Сибирь на заработки. После семейной ссоры во главе семьи встал еще один брат Сергея, но он вел хозяйство неумело, от чего оно быстро пошло на убыль.

2. Там же. Ф. Р-882. Оп. 1. Д. 2. Л. 123, 123 об.

3. Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 885. Л. 5.

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

Дед не выдержал этого и покончил с собой. Наконец, семью возглавил еще один брат Сергея, который «под палкой выдал замуж сестру (Сергея), бездельничал, пил...». Видя все это, Сергей Черепанов, которому едва исполнилось 14 лет, «плюнул на все» и, прибавив к своему возрасту 3 года, отправился на заработки на Урал. Очевидно, что семейная драма, разыгравшаяся в распадающейся патриархальной семье, нанесла юноше глубокую душевную рану, что, вероятно, сыграло не последнюю роль в становлении его как активного революционера.

В советской историографии социальные отношения в вятской деревне накануне революции 1917 года рассматривались преимущественно с точки зрения высокого уровня развития рыночных отношений, расслоения крестьянства на «бедняков» и «кулаков» (Быстрова, 1956: 148). Такое расслоение вполне объяснимо, когда речь идет о крестьянских хозяйствах, расположенных рядом с промышленными центрами (Дмитриев, Куликов, 1991: 15). В Вятской губернии к ним можно отнести лишь Ижевско-Воткинский и Вятско-Слободской районы. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года безлошадные и однолошадные крестьяне составляли 76,7%, не имели коровы или имели одну — 55%. Домохозяйств без посевов и с посевами до 10 десятин насчитывалось 80,6% (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 1916: 21, 172). А. С. Быстрова расценила эти цифры как свидетельство значительного расслоения деревни и наличия большого количества бедноты и малоимущего крестьянства, которых жестоко эксплуатировали кулаки. Но в ряде исследований аргументированно показана односторонность такого рода оценок (Соловьев, 2000: 197; Ошаев, 2003: 16).

Знакомясь с материалами переписи по одной из типичных волостей бассейна средней Вятки, убеждаешься, что деревня была в целом однородной в социальном и экономическом плане: у домохозяйина имелось по 1 лошади, 1–2 коровы, пашни — в среднем от 4 до 8 дес., в зависимости от состава семьи. До половины домохозяев нанимало рабочую силу, прежде всего в период уборки урожая, а также весенней вспашки⁴. Казалось бы, последнее обстоятельство и свидетельствует о развитии рыночных отношений. Однако к найму пахарей прибегали те, в чьих хозяйствах не было мужчин. Что касается уборки урожая, то мы подсчитали: в одной из деревень, где было 23 крестьянских двора, было нанято 384 (!) человека⁵. Подобная картина характерна и для других деревень Кольцовской волости Орловского уезда. Очевидно, что здесь речь идет о крестьянских помочах.

В начале XX века сельскохозяйственное производство, по наблюдению А. А. Соловьева, хотя и приобрело некоторые черты ка-

4. Там же. Ф. 574. Оп. 6. Д. 48а. Л. 3, 3 об.

5. Там же.

питалистической эволюции, «в целом имело направленность на воспроизводство традиционных методов хозяйствования...» (Соловьев, 2000: 199).

Военное лихолетье 1914–1920 годов, по сути, приостановило процесс расслоения крестьянства. Более того, итогом революционной смуты стало почти полное «осереднячивание» деревни. Во время Революции и Гражданской войны, безусловно, произошло разрушение производительных сил деревни. Огромный урон сельскому хозяйству нанесла политика продразверстки, когда часто проводилась конфискация семенного материала, повсеместно сокращались посевные площади, падала урожайность, не хватало продуктов питания, кое-где вспыхивал голод.

Революционные события мало изменили «земельный строй» губернии: преобладающим осталось крестьянское трудовое землепользование. После революции прежние крестьянские наделы в большинстве случаев остались не нарушенными. Произошли изменения во внутриобщинном землепользовании, которые выразились в ликвидации всех прав и преимуществ отдельных домохозяев. Хуторов по всей губернии осталось только 155. В этом ярко проявились эгалитарные традиции российского крестьянства, о которых писал Б. И. Колоницкий (Колоницкий, 1994: 25).

Процесс насильственного навязывания крестьянам коллективных форм хозяйства показан в диссертационном исследовании С. В. Фелова (Фелов, 2000: 282, 283). По подсчетам И. В. Чемоданова, численность коллективных хозяйств стала сокращаться во второй половине 1919 и в 1920 году (Чемоданов, 2014: 25–26). В 1925 году, согласно материалам губернской партийной комиссии по работе в деревне, их приходилось «буквально разыскивать»: комиссия признала «живыми» лишь 11 коммун, 1 сельскохозяйственное товарищество и 39 артелей (!)⁶. Становилось очевидным, что коллективные формы, которые внедрялись в деревне во времена политики «военного коммунизма», не отвечали интересам большинства крестьян.

В 1925 году, по данным губернской комиссии по работе в деревне, почти вся земля сельскохозяйственного назначения — более 4,2 млн дес. — находилась под контролем крестьянских общин. Государство распоряжалось 53 095 дес. (1,3%), а города — 13 530 дес. земли (0,3%). Количество десятин на одно крестьянское хозяйство варьировалось от 12,11 в Нолинском уезде до 19,52 — в Слободском, в среднем по губернии — около 16. Затрудняли развитие крестьянского хозяйства следующие обстоятельства: чересполосица (главным образом это касалось лугов), удаленность земли от двора в крупных селениях, неудобное очертание границ угодий⁷.

Во второй половине XIX — начале XX века в ходе начавшейся перестройки экономики и общества на пути капитализма многие

Ю. Н. Тимкин

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

6. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 173. Л. 73–76.

7. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 173. Л. 134 об., 135 об.

крестьяне покидали деревню, переселялись в города и становились горожанами. Большевистская идеология и практика преломлялись в сознании вчерашних крестьян, осмысливались через призму их мировоззрения, обычаев и традиций. Большевики не могли не знать традиционную культуру, стремились использовать отдельные ее элементы в конструировании своей идеологии. Советскому государству пришлось со временем создавать аналоги народных объединений, так появились различные молодежные организации, повторяющие во многом формальную структуру крестьянских «бесед» и «артелей», но с иной идеологией и обрядностью (Базлов, 2002: 138).

Итак, в вятской деревне преобладали крестьяне-общинники, в большинстве своем середняки. Крестьян, разбогатевших на эксплуатации чужого труда, и полупролетариев, живущих исключительно продажей своего труда, было относительно немного.

Большевики и крестьяне: от незнания к непониманию

Первоначально вятская деревня в 1917 году, а кое-где и позднее, не имела определенного представления о большевиках и коммунизме. Традиционное сознание питалось самыми невероятными слухами. В докладе Яранского уездного комитета РКП(б) о своей деятельности с марта 1918 до 15 мая 1919 года отмечалось, что крестьянство в уезде «настолько темно, что верит каждому, даже нелепому слуху. Есть много уголков, где еще не могут разобраться, была ли революция или нет, не говоря о том, что она дала народу»⁸. После заключения Брестского мира и возвращения демобилизованных солдат, во время проведения уездных крестьянских съездов Советов произошло первое знакомство крестьян с новой властью. Крестьяне в массе своей к новой власти присматривались, но в проводимой политике, а тем более идеологии, не разбирались.

Сказанное партработниками порой не имело особой значимости для крестьян. Инструктор-организатор Георгий Ильичев, побывавший весной 1919 года в Вятской губернии и описавший свои беседы с крестьянами об оказании помощи РККА, сообщал: «...Они слушали внимательно, но только отошли в сторону... как тотчас забыли то, что им было сказано»⁹.

Когда крестьяне столкнулись с практической деятельностью большевиков, то их реакция изменилась. В докладе Яранской ЧК 3 мая 1919 года сообщалось: «Ни в коем случае нельзя сказать, чтобы деревня была близка к коммунизму. На партию коммунистов крестьяне смотрят как на что-то большое и опасное». Коммуниста «надо сторониться, не сказать лишнего слова, а то он донесет.

8. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 47.

9. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 13.

В глазах крестьянства он не авторитетен, это человек, забывший бога»¹⁰. Когда в деревню приезжает партийный агитатор, то крестьяне «слушают его без особого интереса и потом говорят: мели Емеля, твоя неделя, или: агитатор говорил много что-то, но мы совершенно ничего не поняли, или: мы слышали эти сказки, к чему он говорит так много, сказал бы несколько слов, да ясней...»¹¹.

16 мая 1919 года председатель Яранского уездного комитета РКП(б) Андрей Яранцев, анализируя состояние партийной работы в уезде во время Гражданской войны, подчеркивал, что крестьянство оказалось между двух огней: «таинственная “коммуния”, которую оно не в силах понять, а с другой стороны — Колчак, который столь же таинственный. И кто его знает, кто лучше... Главный идеал крестьянина — хозяйство, дающее возможность жить и независимо чувствовать себя...»¹².

В высказываниях крестьян стали звучать упреки в адрес партработников. Так, член Нолинского укома Вершинин, побеседовав с крестьянами некоторых волостей, сообщал услышанные претензии: «Вы получаете приличное жалование, вам хорошо живется, вам можно устраивать каждую неделю разные митинги и собрания...»¹³ В свою очередь, большевики не сразу поняли, что крестьяне оценивают их деятельность, исходя из своих, прежде всего материальных, интересов. На языке большевиков это называлось «шкурным» интересом и считалось проявлением контрреволюционных настроений.

Такое непонимание порождало конфликт, который грозил подорвать устои новой власти. Некоторые это осознавали. Так, в докладе представителя уездной избирательной комиссии Яранского уезда Н. Г. Коновалова подчеркивалось: «...Если бы мы, стоящие у власти, посмотрели, что творится в деревне, то во многом обвинили бы себя...»¹⁴

Революционные преобразования, их характер и последствия

Культурные преобразования большевиков в деревне в 1918–1920 годах носили противоречивый характер. Революция всколыхнула патриархальную деревню, вызвала определенный интерес к новой власти, вселила надежды и породила тревоги. Преобладающая часть населения «оставалась по-прежнему неграмотной», «активным и сознательным участником модернизационного культурного процесса была главным образом часть городского населения» (Бор-

10. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

11. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.

12. Там же.

13. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 72 об.

14. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 13 об.

чина, 2005: 15). Чтобы ускорить процесс культурных преобразований, большевиками «нередко использовались методы «военного коммунизма»: «чтецкая повинность, грамотные граждане обучали неграмотных и т. д.» (Там же: 18).

Государственное строительство в вятской деревне, как и отмеченное выше культурное, также имело противоречивые последствия. В системе социальной организации в первое десятилетие советской власти крестьянская община «продолжала доминировать во всех сферах деревенской жизни». Во время «военного коммунизма» община являлась «фактическим хозяином деревни в области земельно-хозяйственных отношений» (Вознесенская, 2008: 188). Роль общины была велика и в области советского строительства. Советы на низовом уровне «вырастали из общинных органов управления» (Там же: 51). В 1918–1920 годах «наблюдается постепенный отрыв низовых советских органов от общинного «тела» (Там же). В Советах все большую роль начинают играть исполкомы, а пребывание в составе Советов представителей от крестьянства стало рассматриваться как отбывание своеобразной «повинности». Именно исполкомы становятся опорой формирующейся в 1918–1920 годы большевистской диктатуры, они вынуждены исполнять распоряжения новой власти, порой очень непопулярные в крестьянской среде. Это относилось прежде всего к продовольственной политике большевиков.

Установление продовольственной диктатуры, насильственное изъятие хлеба продотрядами, введение продразверстки, чрезвычайного революционного налога — все это серьезно оттолкнуло крестьян от новой власти. Именно этот фактор сыграл главную роль в фактическом провале партийного строительства в сельской местности.

Летом–осенью 1918 года, в связи с введением чрезвычайного налога и мобилизацией в Красную армию, усилилось недовольство крестьянства, их выступления приобрели массовый характер. До сих пор не подсчитано общее количество крестьянских выступлений в 1918–1920 годах. Об их масштабе может свидетельствовать такой факт: только в Глазовском уезде (всего в губернии было 11 уездов) летом 1918 года произошло около 80 крестьянских волнений (Позднякова, 2015: 100). 12 августа 1919 года информатор отдела управления Глазовского уезда сообщил о высказываниях крестьян по поводу продовольственной политики: «От нас берут все, а нам ничего не дают»¹⁵. Председатель Яранского укома Павел Костерин 11 мая 1919 года писал: «Все приезжающие с мест в один голос свидетельствуют о недоверии крестьянства к советской власти... К теневой стороне необходимо причислить полное непонимание задач новой власти ее проводниками — волостными и сельскими комитетчиками. Зачастую на местах творится вакханалия насилий

15. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 31.

(об этом говорят давно), но до сего времени отдельные представители власти продолжают вести свою линию комиссародержавия и полного произвола...»¹⁶

Организация партийных ячеек

С лета 1918 года новая власть стала активно направлять в деревню агитаторов и организаторов с целью разъяснить проводимую политику и привлечь на свою сторону крестьянство. Именно их усилиями и возникли первые деревенские и волостные партийные ячейки. Организация ячеек шла несколькими способами, прежде всего отметим роль агитаторов. В январе 1919 года в Святицкой волости Глазовского уезда организатором выступил агитатор укома Лескин. Все вошедшие в ячейку дали подписку: «Я [такой-то] предан всем имущественным состоянием, душой и телом идее коммунизма навсегда, и готов исполнять требования свыше товарищей коммунистов, стоящих у власти. Если хотя одно неисполнение мною вышеупомянутого речательства, то я от коммунистов объявляю себя вне закона, в чём и распишусь». На собрании был установлен единовременный вступительный взнос в 5 руб., а членский взнос — 1% с заработка¹⁷. Агитатор, наладив контакт с местным населением, привлекает в состав ячейки «знакомых товарищей», затем «дело строительства ячейки рекламируется и публикуется в газетах»¹⁸.

Организаторами ячеек могли выступать и присылаемые в волости председатели волисполкомов. Так, в Бельской волости Глазовского уезда новый председатель волисполкома матрос Пасынков в январе 1919 года создал ячейку, куда вошли все члены волисполкома¹⁹. В циркуляре Уржумского уездного комитета 22 июля 1919 года отмечалось, что коммунисты «частенько навязчиво предлагали служащим и членам исполкомов заполнить партийные анкеты и вступить в члены партии. В большинстве случаев такие предложения делались в духе предписания...». В этой связи Уржумский уком указал на ненадежность членов партии, «насиленно принятых в партию»²⁰.

Идеи коммунизма и крестьяне

Созданные ячейки состояли из сочувствующих, которые, как правило, имели весьма смутное представление о программе и уставе

16. Крестьянин-коммунист. 1919. 11 мая.

17. Государственный архив общественно-политической истории Удмуртской Республики (далее — ГАОПИ УР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

18. ЦГАКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

19. ГАОПИ УР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 90. Л. 10

20. ЦГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 43. Л. 19.

РКП(б). Поэтому одним из направлений в деятельности партийных организаций стало просвещение членов ячеек, крестьян, а также организация и проведение митингов, «недель пропаганды», субботников и других агитационно-просветительских мероприятий, разъясняющих задачи новой власти.

Идеи коммунизма у крестьян не вызвали практического интереса. По наблюдению инструктора-организатора Георгия Ильичева, крестьяне внимательно слушают его рассказы о коммунизме, отмирании денег и т.п., «на все соглашаются», но когда речь заходит об отмене частной собственности, то решительно протестуют. Они частную собственность «отстаивают, хотя ничего не имеют...» и порой зададут такой вопрос, на который «затрудняешься ответить»²¹.

В докладе А. Гурина, ответственного за проведение «Недели партийной пропаганды» в Шалеговской волости Орловского уезда в октябре 1919 года, отмечалось, что крестьяне к программе партии относятся «сочувственно», но «будущее коммунизма казалось им сказкой и чем-то далеким...»²². Крестьян волновали прежде всего материальные вопросы, что на языке большевиков называлось «шкурным» интересом и являлось основанием для исключения из партии. Партийные и советские печатные органы, по словам ответственного уездного организатора Нолинского укома Метелева, «в деревню попадают в редких случаях и те... искуриваются теми лицами, которые их получают»²³.

Многие вступившие в ячейки крестьяне не знали ни устава, ни программы партии. По словам ответственного работника Ивана Вершинина, с ноября 1919 года возглавлявшего Богородскую волячейку Нолинского уезда, «большинство членов ячеек до сих пор основательно не познакомились с программой РКП...»²⁴. Об этом же сообщали представители Архангельской, Буйской, Верхосунской, Воскресенской ячеек Нолинского уезда²⁵. В докладе Орловского укома о своей деятельности в марте-мае 1920 года об уровне ознакомления с программой и уставом партии сказано еще более категорично: «...Члены волячеек, вступившие в 1919 и 1920 гг., не имеют абсолютно никакой подготовки, не знают программы РКП, не имеют ни малейшего понятия о коммунизме вообще...»²⁶

Председатель Орловского укома В. Сыкут, характеризуя деятельность волостных организаций в 1920 году, писал: «В волостных организациях, за исключением немногих, отсутствует пар-

21. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

22. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13. Л. 6.

23. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

24. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 135.

25. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 105, 105 об., 106.

26. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 12. Л. 87.

тийная дисциплина... Сплошь и рядом замечается, что партийные товарищи забыли свой долг и халатно исполняют свои обязанности... Многие не знают партийного устава...»²⁷

Кризис волостных ячеек

Ввиду малочисленности сельского пролетариата в волостях губернии, большевикам было очень трудно формировать свою прочную опору на местах. До середины 1919 года губернские власти часто считали все крестьянство тех или иных поселений или целых волостей кулацким. Власти пытались, с одной стороны, нащупать бедноту и привлечь ее на свою сторону, что было очень непросто сделать. С другой стороны, политику продовольственной разверстки и чрезвычайного революционного налога стали рассматривать как способ расслоения деревни.

Проводимая политика нанесла удар рабоче-крестьянскому союзу, о котором говорили большевики, сопровождалась бегством крестьян из партии и кризисом волостных ячеек. Для многих крестьян-коммунистов наступил момент, когда пребывание в рядах РКП(б) потеряло всякий смысл. Слова агитаторов и представителей власти расходились с делами, вместо изъятых по продразверстке продовольствия крестьяне не получали ничего взамен, власть часто применяла насилие. 5 февраля 1919 года на общем собрании Орловской организации РКП(б) с докладом о работе волостных ячеек выступил товарищ председателя уездного исполкома Василий Ростовцев, который подчеркнул: «...Я был в 17 волостных ячейках и только одна из них на высоте своего положения»²⁸. По словам другого члена комитета, Самарцева, «агитаторы, посылаемые из Орлова, часто запугивают крестьян револьверами...»²⁹.

13 июля 1919 года прошла перерегистрация волостных ячеек Яранского уезда от «шкурников» и преступных элементов. 26 июля на общем собрании членов Яранской городской организации были заслушаны доклады разъездных инструкторов о состоянии волостных ячеек уезда. По словам инструктора Зыкова, Царевосанчурская ячейка «подорвала свой авторитет неумением работать, а на коммунистов смотрят как на разбойников...». В Тожсолинской, Пижанской и Зыковской волостях партийная работа либо не велась вообще, либо прекратилась. В Оршанской, Кадамской и Ернурской волостях ячейки, по словам ответственного партийного работника Яранцева, перегружены советской работой. В Кадамской волости отношение к коммунистам откровенно враждебное и причиной тому стали их действия: грубое обращение с населением, «стрель-

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

27. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 164.

28. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

29. Там же.

ба по гражданам из ружей», произвольные конфискации и насилия. Инструктор Коновалов сообщал, что крестьяне Кокшагской, Кикнурской, Корлякской и Цекеевской волостей «говорят, что у нас все отобрали, и мы вам не верим». Общий итог подвел член укома Зубарев. По его словам, «...крестьянство если не везде, то во многих волостях против советской власти и коммунистов. Партийная работа не налажена за исключением 2–3 ячеек». Он высказал пожелание: «оградить ячейки от тех элементов, которые дискредитируют советскую власть и... грабят население...»³⁰. Осенью 1919 года ситуация в волостях Яранского уезда еще больше ухудшилась и, по словам Павла Костерина, «говоря откровенно, у нас почти нет на местах парторганизаций в волостях...»³¹.

На заседании Уржумского укома 12 февраля 1919 года отмечалось: «...Деревня бушует, возмущается политикой партийных и советских работников на местах». Крестьяне указывают: «...Агитаторы говорят хорошо, но их слова далеко расходятся с делами исполкомов и комиссаров»³². Токтай-Белянская волостная ячейка Уржумского уезда вся не прошла перерегистрацию в июле 1919 года. На бывших членах ячейки заведены дела «за разные уголовные преступления: кражи, насилия, убийства с целью грабежа»³³.

В протоколе Нолинского укома от 4 апреля 1919 года отмечалось: «Работа в ячейках ведется политически малоразвитыми людьми, приходится все время делать предписания, которые исполняются не всегда в точности. Давно назрел вопрос об инспектировании ячеек, но отсутствуют... партийные организаторы»³⁴. В конце года проверка укомом работы волостных ячеек Нолинского уезда показала, что «партийная работа идет очень слабо, в некоторых волостных ячейках почти совсем не бывает партийных собраний. Население к коммунистам относится враждебно...»³⁵.

Мобилизации и крестьяне

Во время борьбы с Колчаком далеко не все члены партии подчинялись приказу о мобилизации. Так, мобилизация на фронт в Рожкинской волостной ячейке Малмыжского уезда в январе 1919 года привела к тому, что, по словам делегата I уездной партийной конференции Ивана Кирпикова, «все стали выходить из нее. Многие состояли членами ячейки только для того, чтобы получить шубу

30. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 133, 134

31. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 5 об.

32. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 126. Л. 18 об.

33. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

34. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 80, 81.

35. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.

да валенки...»³⁶. Согласно сводке губернской чрезвычайной комиссии от 13 мая 1919 года, двое членов Батаевской волячейки Котельничского уезда скрылись от мобилизации, а остальные члены были причастны к бегству арестованных дезертиров³⁷.

18 апреля 1919 года на заседании Вятского губкома было принято постановление о проведении мобилизации 50% коммунистов. На фронт ушло около 6 тыс. коммунистов, причем в Сарапульском, Елабужском, Малмыжском уездах и Северо-Вятском округе почти в полном составе (Верной дорогой, 1983: 112). А. С. Коробец, учававшая партийные мобилизации в Вятской парторганизации, акцентировала внимание на проведении мобилизаций сотрудников советских учреждений. Она отметила многочисленные случаи отказа от мобилизации, в том числе сотрудников волисполкомов и милиционеров (Коробец, 2013: 63). На заседании губкома 2 июня 1919 года было вынесено жесткое постановление с характерным названием «Об уклоняющихся от партийной мобилизации». В нем подчеркивалось, что отказывающиеся от мобилизации исключаются из партии «навсегда» и направляются «в тыловое ополчение наряду с кулаками, врагами революции...»³⁸.

Весной 1919 года в Яранском уезде до мобилизации насчитывалась 21 ячейка, после мобилизации — 12, в каждой по 5–6 человек. 9 ячеек распались, так как мобилизация для ее членов, по словам председателя укома партии, «оказалась такой страшной, что после ее объявления ячейки самораспустились, а члены разбежались»³⁹. Весной 1919 года в Глазовском уезде числилось «до 46 ячеек, но с приближением фронта осталось только 37, со многими из них связь потеряна. Членами ячеек состоят главным образом ответственные советские работники, а рабоче-крестьянский элемент стоит на втором плане...»⁴⁰. После проведенной в мае 1919 года мобилизации коммунистов на фронт активность ячеек пошла на спад. Волостной инструктор укома Коптяев, прибывший в июне 1919 года для инспекции волостных ячеек, не смог созвать общее собрание оставшихся коммунистов⁴¹. В Нолинском уезде в июне 1919 года после мобилизации «работа лишь 12 ячеек идет успешно»⁴².

Таким образом, активность ячеек весной 1919 года была связана с ситуацией на Восточном фронте Гражданской войны и иницировалась вышестоящими партийными и военными властями. С исчезновением непосредственной военной угрозы эта активность снижалась.

36. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

37. Там же. Ф. р-875. Оп. 1. Д. 165а. Л. 40.

38. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 64.

39. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.

40. ГАОПИ УР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Л. 30.

41. Там же.

42. ЦГАКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 72 об.

На проводимые позднее мобилизации на фронт борьбы с Польшей и Врангелем крестьяне реагировали далеко не всегда положительно. Объявленная весной 1920 года мобилизация привела к массовому бегству членов из волостных ячеек в Нолинском уезде. На IV Нолинской уездной конференции РКП(б) (март 1920 года) делегаты приводили красноречивые примеры. Так, в Большеситминской волостной ячейке, по словам ее представителя Брылякова, «первоначально состояло до 30 человек, но после мобилизации осталось всего 6. Работа ячейки «слишком незначительна», члены ячейки заняты советской работой. В Архангельской волячейке состояло 4 человека и ее деятельность находится «на точке замерзания». В Буйской ячейке первоначально числилось до 40 человек, но в связи с мобилизацией «шкурники постарались выйти, осталось всего 5 чел., все — члены и сотрудники волисполкома»⁴³. О том, что «волячейки разбежались из-за партийных мобилизаций», отмечали и на общем собрании членов РКП(б) г. Советска 16 ноября 1920 года⁴⁴.

Ко времени V губернской конференции (июль 1919 года) в губернии насчитывалось 264 волостные ячейки, в которых состояло 980 человек: в среднем — 3–4 члена. Если учесть, что население волостей насчитывало от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч, такое небольшое количество членов ячеек весьма выразительно свидетельствует об отношении крестьян к партии⁴⁵. Примечательно, что численность губернской организации составляла 2368 членов и 453 сочувствующих (Кировская областная организация КПСС в цифрах, 1986: 14).

Волостные ячейки осенью 1919 года отличались малочисленностью и пассивностью членов. Слабость социальной базы и наплыв карьеристов вынуждали партийные «верхи» проводить частые реорганизации, чистки, устанавливать жесткую дисциплину. Осенью 1919 года приток новых членов в волостные ячейки, по сути, прекратился. Партийный организатор Суслов, посетивший в середине октября Васильковскую волость Нолинского уезда, докладывал на общем партсобрании 17 октября: «Неделя партийной пропаганды прошла плохо, вновь вступивших в партию не было. В деревне читались лекции, но крестьяне отнеслись к ним без внимания. Много задавали шкурных вопросов. Хлеб на ссыпные пункты везут слабо, заявляют, что дайте нам соли, тогда повезем»⁴⁶. Такая же картина в Мельканской, Соколовской, Сунской, Семериковской, Пугинской, Чигиринской, Ильинской и других волостях уез-

43. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

44. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 150.

45. Например, население волостей Уржумского уезда насчитывало от 4 до 26 тыс. чел., а Слободского — от 1,4 до 17 тыс. чел. (Статистический справочник по Вятской губернии, 1917: 26, 30).

46. ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 170. Л. 34.

да. Причем в Верхоишетской и Чертищенской волостях во время выступления большевистского агитатора «чуть было не произошел бунт». В отчете Нолинского укома за ноябрь 1919 года сообщалось, что, несмотря на проведение недели пропаганды 2–9 ноября, в партию в городе вступили всего 7 человек. Население уезда «в большинстве к власти Советов относится недоверчиво». Уездный ответственный организатор Метелев, посетивший 11 волостных ячеек, докладывал, что в них работа ведется «очень слабо»⁴⁷.

В Уржумском уезде осенью 1919 года существовало 22 волостные организации, 10 союзов молодежи, 3 союза женщин и только что открывшаяся партийная школа. Некоторые волостные ячейки, как, например, Новоторъяльская, «числится только на бумаге, не проявляя никакой деятельности...»⁴⁸. Партийная работа ячейкой проводится «очень слабо», а отношение к ней крестьян — «враждебное». Зав. отделом по работе в деревне укома партии Шарапов, посетивший волость 20 ноября 1919 года, сообщал, что во время бесед с крестьянами они «задавали ему шкурные вопросы»⁴⁹.

11 ноября 1919 года на заседании Советского укома обсуждалось состояние волостных ячеек. Инструктор Фоминых сообщал, что в волостях партийная работа «велась слабо, ячейки почти бездействовали. Даже в них распоряжения центра воспринимались равнодушно, а часто и не сочувственно». Агитаторы «не достигали цели — надоели населению»⁵⁰.

В 1920 году кризисные явления в ячейках усилились, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так, в Вятском уезде 9 февраля 1920 года в резолюции пленарного заседания Вятского укома партии подчеркивалось: «...Все волостные ячейки бессильны и малочисленны»⁵¹. В марте 1920 года на II Вятской уездной партконференции делегат Сырцев отмечал, что за волостными ячейками «необходимо все время следить и разъяснять распоряжения и декреты, чтобы они не пошли по неправильному пути»⁵². В мае 1920 года, по словам разъездного инструктора А. Кашиной, Просницкая ячейка «бездействует более двух месяцев. Работа совершенно стоит, даже корреспонденцию не распечатывают...», при этом исключенный из партии Архипов, ставший затем секретарем волисполкома, «является для населения авторитетом»⁵³.

Осенью 1920 года в Советском уезде, по словам участников II уездной партконференции, работа волячеек «стоит на точке замирания. Ячейки плохо связаны с укомом. Информация поступает

47. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 30.

48. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 73. Л. 9, 10.

49. Там же.

50. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 4. Л. 113 об.

51. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

52. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

53. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 30 об.

слабо, сведения обычно приукрашенные и напыщенные. Собрания ячеек малопродуктивны, так как члены ячеек политически не воспитаны и не в состоянии вести пропаганду...»⁵⁴.

В докладе о деятельности отдела по работе в деревне Нолинского укома с 15 ноября 1919 по 1 марта 1920 года отмечалось: «... Организовать партийную работу на местах невозможно, так как местных сил недостаточно». Отношение крестьян к местным коммунистам «почти враждебное вследствие того, что члены волостных ячеек являются в то же время и советскими работниками...»⁵⁵. 6 ноября 1920 года Нолинский уком, обсудив состояние партийных организаций, постановил: «...Ввиду малочисленности ячеек и выхода членов из партии... считать распущенными следующие организации...», дальше шел список из 9 ячеек. Всего в уезде тогда насчитывалось не более 29 ячеек⁵⁶.

Распад ячеек в Орловской уездной организации приобрел массовый характер. Из отчета уездной комиссии по перерегистрации от 9 ноября 1920 года следует, что из 26 волостных ячеек прекратили свое существование «из-за малочисленности» — 11, не прошли перерегистрацию — 3⁵⁷.

Волостные организации РКП(б) Яранского уезда весной 1920 года, несмотря на «упорную работу районных организаторов, не имели под собой твердой почвы, во-первых, ввиду своей малочисленности (от 3 до 10 человек), во-вторых, члены ячеек, вышедшие из недр той же местной крестьянской среды и находящиеся под влиянием кулачества... не могли революционизироваться, являясь коммунистами формально, поверхностно»⁵⁸. В сентябре 1920 года наступил полный упадок партийной работы. В докладе члена укома Шевелевой признавалось: «За весь месяц работы в уезде я от ячеек не получала ничего, кроме извещений волисполкомов о распаде той или иной ячейки». Прекратили свое существование организации в Корляковской, Кокшагской, Юкшумской, Кундыжской и Цекеевской волостях. Шешургская ячейка «совершенно не работает», а в Комаровской и Пачинской нет ни одного «партийного товарища». Зыковская ячейка «слаба». В Тужинской волости ячейка состоит исключительно из милиционеров. Пижанская ячейка «сильна за счет продовольственников»⁵⁹.

В конце 1919 — начале 1920 года на территории Глазовского уезда численность уездной парторганизации достигла 600 человек. Ячейки возникли в 41 из 45 волостей уезда (История Удмуртии, 2005: 86). Но уже к началу 1921 года они упоминаются толь-

54. Там же. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Л. 36.

55. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 150.

56. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Л. 164.

57. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3. Л. 117.

58. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 46. Л. 22.

59. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 86.

ко в половине волостей, а после проведения в октябре-ноябре 1920 года перерегистрации «многие организации прекратили свое существование. В последнее время наблюдается распад волячек и добровольный выход из партии членов. Партия идет на убыль. Молодежи нет совсем...»⁶⁰.

Волостные ячейки «партии власти»

В течение 1919–1920 годов волостные ячейки становились, наряду с волисполкомами, опорой власти в деревне и состояли главным образом из сотрудников и служащих волисполкомов, милиционеров. В январе 1919 года Яранская организация включала 10 волостных ячеек сочувствующих и 36 членов, главным образом советских служащих⁶¹. В ноябре 1919 года, по словам ответственного организатора по работе в деревне Малмыжского уезда И.Е. Крупина, «все партийные товарищи несут определенную работу в советских учреждениях как в городе, так и в уезде»⁶².

В марте 1920 года на II Вятской уездной партконференции делегаты сообщили, что партийная ячейка в Медянской волости состоит из трех человек: милиционер, учитель и заведующий библиотекой. Все 6 членов Куменской ячейки «перегружены советской работой, поэтому партработа ведется очень слабо»⁶³. На III Малмыжской уездной конференции (март 1920 года) делегаты волостных ячеек Федянин (Сюмсинская), Гомаюнов (Безменшурская), Гладышев (Старотрыкская) и Евдокимов (Мериновская) сообщали, что партийная работа в ячейках фактически прекратилась, так как члены их занимают те или иные ответственные должности в волисполкомах⁶⁴. На III Советской уездной конференции РКП(б) (март 1920 года) делегаты Новоселов (Колянурская ячейка), Головков (Ильинская ячейка), Злобин (Васильковская ячейка), Мальков (Боровковская ячейка) отмечали, что члены ячеек, в большинстве советские служащие, все больше занимались административной работой⁶⁵. Весной 1920 года из протоколов волостных ячеек Нолинского уезда и докладов командированных инструкторов выясняется, что «работа партийных организаций на местах превратилась в чисто советскую»⁶⁶. Из доклада в губком одного из партийных инструкторов 1 февраля 1920 года отмечалось, что Нолинский уком «мало обращал внимания на работу волячек, иногда целыми месяцами не да-

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

60. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 147.

61. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

62. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 14.

63. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

64. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 7 об., 8, 10, 11.

65. Там же. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Л. 25, 25 об.

66. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 116.

вал никаких указаний, от чего ячейки находятся в недоумении...»⁶⁷. На IV Малмыжской конференции (ноябрь-декабрь 1920 года) при обсуждении отчета укома делегат Чижев подчеркивал, что «в ячейках было мало чисто партийной работы, а уком... совершенно не принимал участия в жизни ячеек»⁶⁸. По словам делегата Нагорных, Цыпьянская ячейка «занимается «ловлей дезертиров...»⁶⁹.

Общую картину по губернии рисует доклад зав. губернского отдела по работе в деревне Тараса Харечко 7 января 1920 года: «...Волостные ячейки в большинстве случаев носят официальный характер, состоя из членов и служащих волисполкомов»⁷⁰.

Переход к НЭПу был вызван общественно-политическим кризисом политики «военного коммунизма», когда в стране вновь вспыхнули очаги Гражданской войны. Именно антибольшевистские восстания, а среди них волнения и восстания крестьян, вынудили большевиков пойти на изменение экономической политики в 1921 году. Немалую роль в этом сыграл кризис и распад многих крестьянских волостных ячеек в 1920–1921 годах и превращение оставшихся в «партию власти».

Библиография

- Базлов Г. Н. (2002). Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников. Опыт реконструкции. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский государственный университет.
- Борчина М. А. (2005). Культурное развитие в Вятской губернии в 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар.
- Быстрова А. С. (1956). Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров: Кировское книжное издательство.
- Верной дорогой (1983). Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во.
- Вознесенская Е. И. (2008). Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Киров.
- 200 лет Вятской губернии: статистический сборник (1996). Киров: Кировский областной комитет государственной статистики.
- Дмитриев П. Н., Куликов К. И. (1992). Мятаж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия.
- Дмитриенко А. А. (2007). Отношение предреволюционного крестьянства к Государственной думе (на примере Вятской губернии) // Полис. № 5. С. 25–34.
- История Удмуртии: XX век (2005). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Вятской губернии (1916). Вятка: Статистическое отделение Вятской губернской земской управы.
- Кировская областная организация КПСС в цифрах (1917–1985) (1986). Киров: Волго-Вятское книжное издательство. Кировское отделение.

67. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 135.

68. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

69. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

70. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

- Колоницкий Б. И. (1994). Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Отечественная история. № 1. С. 17–27.
- Коробец А. С. (2013). «Голод, разруха, восстание имущих классов, с одной стороны, и иноземные разбойники — с другой...». Партийные мобилизации в Красную армию в 1918–1920 гг. (по архивным документам Вятской губернии) // Военно-исторический журнал. № 2. С. 63–65.
- Мусихин В. Е. (1995). Вятские крестьяне в начале XX в. // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Т. 4. Киров: Вятское государственное издательско-полиграфическое предприятие. С. 282–297.
- Ошаев А. Г. (2003). Общественно-политическое развитие в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Казань.
- Памятная книжка на 1911 г. (1910). Вятка: Вятский Губернский Статистический комитет.
- Позднякова А. С. (2015). Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Киров.
- Соловьев А. А. (2000). Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX — начале XX в. Дисс. ... канд. соц. наук (07.00.02). Йошкар-Ола.
- Статистический справочник по Вятской губернии (1917). Вятка: Статистическое отделение Вятской губернской земской управы.
- Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: сб. док. / А. С. Быстрова [и др.] (редкол.) (1957). Киров: Кировское кн. изд-во.
- Фефелов С. В. (2000). Диктатура большевиков и крестьянство в 1918–1921 гг.: у истоков левого тоталитаризма (на материалах Центрального Черноземья России). Дисс. ... док. ист. наук (07.00.02). Орел.
- Чемоданов И. В. (2014). Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона при переходе от политики «военного коммунизма» к нэпу (1920–1922) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 1. С. 22–28.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Революция 1905–1907 гг. 1917–1922. М.: Весь мир.

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

“Peasant journey to the Communist Party and back”: Volost peasant organizations of the RCP (Bolsheviks) in 1918–1920 (based on the archival materials of the Vyatka Province)

Yuri N. Timkin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University. 610000 Kirov, Moskovskaya St., 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Abstract. The article considers the development and work of the *volost* peasant cells of the RCP (b) in 1918–1920 through the relationship between the state and the people. The article is based on the archival materials from the Central State Archive of the Kirov Region and the State Archive of the Social and Political History of the Udmurt Republic, and on the historical-genetic and historical-institutional approaches. The author also analyzed materials from the funds of the Vyatka Gubkom and the Vyatka, Glazov, Kotelnich, Malmyzh, Nolin, Orlov, Soviet, Urzhum and Yaran regional committees of the RCP (b), Provincial Commission on the Party History, Vyatka Province Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies, Yaransk Regional Committees of the Workers', Peasants' and Red Army Deputies Councils, Vyatka Regional Statistical Committee, and the personal fund of Vasily Georgievich Plenkov. The author examines the development and crisis of the *volost* peasant cells of the RCP (b) in the Vyatka Province in 1918–1920 in order to identify the features of the Vyatka peasantry in the early 20th century and peasants' expectations from the new power; of the in-

teraction between the Soviet power and peasants; of the crisis of *volost* cells and their transformation into power structures consisting of the employees of the Soviet *volost* institutions. The study revealed that on the eve of the 1917 Revolution, the Vyatka village community still existed though middle peasants prevailed. Peasants expected from the new government to solve primarily social-economic tasks: the lack of land, construction of road infrastructure, and social development. Bolsheviks only partially satisfied the peasants' demands, which led to the strongest peasants' dissatisfaction under the forced food policy and other political measures, and, thus, determined the crisis of *volost* cells in 1919–1920. The author argues that in the village dominated by communist peasants who wanted to develop their economy on the market basis, there was hardly any ground for the voluntary acceptance of communist ideas. *Volost* peasant cells were created as associations supporting the new government, but eventually either disintegrated or turned into the 'party of power'.

Key words: Vyatka Province, middle peasants, community, *volost* organizations of the RCP (b), war communism, crisis

References

- Bazlov G. N. (2002) *Derevenskaya artel' kulachnykh bojcov-rukopashnikov. Opyt rekonstrukcii* [Village Artel of Fist Fighters. A Reconstruction Case] (PhD Thesis), Moscow: Moscow State University.
- Borchina M. A. (2005) *Kul'turnoe razvitie v Vyatskoj gubernii v 1917–1920 gg.* [Cultural Development in the Vyatka Province in 1917–1920] (PhD Thesis), Syktyvkar: Syktyvkar State University.
- Bystrova A. S. (1956) *Komitety bednoty v Vyatskoj gubernii* [Committees of the Poor in the Vyatka Province], Kirov: Kirovskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Bystrova A. S. (Ed.) (1957) *Ustanovlenie i uprochenie sovetskoj vlasti v Vyatskoj gubernii* [Establishment and Consolidation of the Soviet Power in the Vyatka Province], Kirov: Kirovskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Chemodanov I. V. (2014) *Selskoe khozyajstvo i krestyanstvo vyatskogo regiona pri perekhode ot politiki 'voennogo kommunizma' k nepu (1920–1922)* [Agriculture and peasantry of the Vyatka region under the transition from the policy of 'war communism' to the New Economic Policy (1920–1922)]. *Bulletin of the Vyatka State University*, no 1, pp. 22–28.
- Dmitrienko A. A. (2007) *Otnoshenie predrevolyucionnogo krestyanstva k Gosudarstvennoy dume (na primere Vyatskoj gubernii)* [Attitude of the pre-revolutionary peasantry to the State Duma (on the example of the Vyatka Province)]. *Polis*, no 5, pp. 25–34.
- Dmitriev P. N., Kulikov K. I. (1992) *Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rajone* [Revolt in the Izhevsk-Votkinsky District], Izhevsk: Udmurtiya.
- Fefelov S. B. (2000) *Diktatura bol'shevikov i krest'yanstvo v 1918–1921 gg.: u istokov levogo totalitarizma (na materialah Central'nogo Chernozem'ya Rossii)* [Bolshevik Dictatorship and the Peasantry in 1918–1921: Origins of the Left Totalitarianism (on the data from the Central Black-Earth Region of Russia)] (PhD Thesis), Orel: Orel State University.
- Itoji Vserossijskoj selskohozyajstvennoj perepisi po Vyatskoj gubernii (1916)* [Results of the All-Russian Agricultural Census in the Vyatka Province], Vyatka: Statisticheskoe otделение Vyatskoj gubernskoy zemskoy upravly.
- Kirovskaya oblastnaya organizatsiya KPSS v tsifrah (1917–1985) (1986)* [Kirov Regional Organization of the CPSU in figures (1917–1985) (1986)], Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, Kirovskoe otделение.
- Kolonitsky B. I. (1994) *Antiburzhuznaya propaganda i 'antiburzhuzskoe' soznanie* [Anti-bourgeois propaganda and 'anti-bourgeois' consciousness]. *Russian history*, no 1, pp. 17–27.

- Korobets A. S. (2013) "Golod, razrukha, vosstanie imushhih klassov, s odnoy storony, i inozemnye razboyniki — s drugoy...". Partijnye mobilizatsii v Krasnuyu armiyu v 1918–1920 gg. (po arkhivnym dokumentam Vyatskoy gubernii) ["Hunger, devastation, rebellion of the propertied classes, on the one hand, and foreign brigands, on the other hand...". Party mobilizations to the Red Army in 1918–1920 (based on the archival documents of the Vyatka Province)]. *Military history journal*, no 2, pp. 63–65.
- Musikhin V. E. (1995) Vyatskie krestyane v nachale XX v. [Vyatka peasants in the early 20th century]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy*: in 10 vols., vol. 4, Kirov: Vyatka State Publishing and Printing Enterprise.
- Pamyatnaya knizhka na 1911 g.* [Commemorative Booklet for 1911] (1911), Vyatka: Vyatsky Gubernsky Statistichesky komitet.
- Pozdnyakova A. S. (2015) *Deyatel'nost' Vyatskogo gubernskogo revolyucionnogo tribunala v 1918–1922 gg. kak faktor stabilizatsii vlasti bol'shevikov v regione* [Activity of the Vyatka Province Revolutionary Tribunal in 1918–1922 as a Factor of the Bolshevik Power Consolidation in the Region] (PhD Thesis), Ekaterinburg: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Oshaev A. G. (2003) *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie v Marijskom krae v period pervoj rossijskoj revolyucii (1905–1907 gg.)* [Social-Political Development of the Mari Region during the First Russian Revolution (1905–1907)] (PhD Thesis), Kazan: Kazan State University.
- Shanin T. (1997) *Revolyutsiya kak moment istiny. Revolyutsiya 1905–1907 gg. 1917–1922* [Revolution as a Moment of Truth. Revolution of 1905–1907. 1917–1922], Moscow: Ves mir.
- Soloviev A. A. (2000) *Krest'yanskoe hozyajstvo Vyatskoy gubernii v konce XIX — nachale XX v.* [Peasant Economy of the Vyatka Province in the Late 19th — Early 20th Century] (PhD Thesis), Yoshkar-Ola: Mari State University.
- Statistichesky spravochnik po Vyatskoy gubernii* [Statistical Handbook of the Vyatka Province] (1917), Vyatka: Statisticheskoe otdelenie Vyatskoy gubernskoy zemskoy uprav. *Vernoy dorogoy. Khronika istorii Kirovskoy organizatsii KPSS. 1883–1983* [The Right Way. Chronicle of the Kirov Organization of the CPSU. 1883–1983] (1983), Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Voznesenskaya E. I. (2008) *Obshchinnaya organizatsiya vyatskogo krest'yanstva v sovetskoj dokolhoznoj derevne (1917–1930 gg.)*. [Community Organization of the Vyatka Peasantry in the Soviet Pre-Colonial Village (1917–1930)] (PhD Thesis), Kirov: Udmurtia State University.
- 200 let Vyatskoy gubernii: statistichesky sbornik* [200 years of the Vyatka Province: Statistical Collection] (1996), Kirov: Kirovsky oblastnoy komitet gosudarstvennoy statistiki.

Ю. Н. Тимкин

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)